

Игорь Ривер

Один день лета

рассказы о войне

16+

Игорь Ривер

**Один день лета.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ривер И.

Один день лета. Сборник рассказов / И. Ривер — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Эта книга о таких же солдатах и сержантах, как я, только воевавших гораздо раньше. Мой прадед был унтер-офицером, дедушки - старшина и сержант, отец - старший сержант, я - младший. Династия, каких много в России. Если кто-то увидит в этих историях что-то знакомое - не удивляйтесь. За каждой строчкой воспоминаний чей-то подвиг. Ежедневный, ежечасный, и если всерьез браться описывать его, то не хватит никаких книг. Поэтому эта книга не о войне, а о людях.

Содержание

Взгляд в прошлое. Авторское предисловие	6
Четыре сбоку	8
Крещение огнем	11
Танкист-подводник	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора книги.

Взгляд в прошлое. Авторское предисловие

Эта книга не о войне. Сейчас много развелось кабинетных стратегов, которые пишут умные книги, полные умных слов и громких имен. Их книги полны карт, схем, таблиц, технических характеристик танков и самолетов, правды и отсебятины. Война для них – это красные и синие стрелки на картах, да мудрые замыслы полководцев. Если Красная Армия наступает, то обязательно героически преодолевает упорное сопротивление, а если обороняется, то до последнего патрона.

Никого почему-то не волнует, почему этот патрон именно последний. Кто-то должен был обеспечить полк боеприпасами, но не смог этого сделать, черт знает, по какой причине. Или была неправильно расположена приданная артиллерия. Или кто-то из солдат струсил, побежал, а за ним побежали остальные и командир не сумел их остановить. Полк был сбит с рубежа и рассеян. Оборона прорвана, фамилия того, из-за которого это случилось, давно забыта.

Я был на войне. Для меня это не стрелки на картах и не стратегические решения. Все проще и одновременно сложнее. У тебя есть взвод. Ты за него отвечаешь. Твои солдаты должны быть нормально одеты, обуты, накормлены, их оружие должно быть почищено и готово к бою. У людей должно быть, чем встретить танки и чем пехоту. Им нужно организовать помывку, даже если ни реки, ни моря под руками нет. И воды в кранах нет. И кранов, как таковых, не имеется. Что? Туалеты? Спасибо, посмеялся... Знаете, какой запах стоит в казарме, если рота не моется три недели? Ой, вряд-ли вы это знаете! В части должен быть порядок. У кого порядка и дисциплины больше, у того меньше потерь и тот в итоге выигрывает.

Вот это – моя война. Я обычный заместитель командира взвода и слова “последний патрон” для меня вполне осязаемы. Это первый, который я зарядил в автоматный магазин. Можно снова разрядить его и подержать этот патрон в руках.

Эта книга – о таких же солдатах и сержантах, как я. Мой прадед был унтер-офицером, дедушки – старшина и сержант, отец – старший сержант, я – младший. Династия, каких много в России. Если кто-то увидит в этих историях что-то знакомое – не удивляйтесь. За каждой строчкой воспоминаний, или мемуаров – чей-то подвиг и не обязательно того, чьи они. Ежедневный, ежечасный и если всерьез браться описывать его, то не хватит никаких книг. Поэтому эта книга не о войне, а о людях.

Спустя год после ее издания на ЛитРес книга пополнилась новыми рассказами, написанными за это время. По понятным причинам, быстрая выкладка на ЛитРес невозможна, поэтому я жду моих читателей в моих блогах:

Яндекс.Дзен – <https://zen.yandex.ru/id/5d5945f6998ed600ae726cf9>

LiveJournal – <https://rivvv.livejournal.com/>

и конечно же на моей авторской страничке на ЛитРес: <https://www.litres.ru/igor-river/>

*Простите пехоте,
что так неразумна бывает она:
всегда мы уходим,
когда над землею бушует весна.
И шагом неверным,
по лестничке шаткой спасения нет...
Лишь белые вербы,
как белые сестры, глядят тебе вслед.
Не верьте погоде,
когда затяжные дожди она льет.*

*Не верьте пехоте,
когда она бравые песни поет.
Не верьте, не верьте,
когда по садам закричат соловьи:
У жизни со смертью
еще не окончены счета свои...
Булат Окуджава*

Четыре сбоку

– Ну и что теперь будем делать?

Задавший этот вопрос капитан посмотрел на командира орудия и поглядел в сторону дороги, на которой пули в очередной раз выбили несколько фонтанчиков грязного снега. Немцы палили по оставшемуся на дороге ватнику. Видимо принимали его издали за раненого и пытались добить. Выбраться отсюда днем нечего было и думать. Поселочек, в который они сослепу забрались ночью, простреливался с занятой немцами высоты насквозь, дорога тоже. Пушку "сорокапятку" они оттащили под прикрытие четырехэтажного кирпичного здания, самого высокого здесь. Упряжных лошадей завели внутрь, так что тем ничего не грозило. Самим же оставалось только курить, потому что сухпай никто не взял, а у пехоты кроме мерзлого хлеба тоже ничего не было. Занимавшей поселок роте еду привозили через раз и тоже только по ночам.

– Костер разведем, тащ капитан! Погреемся. Я там бочку пустую нашел. Снега натопим, чаю поьем!

Сержант как всегда был весел и доволен жизнью. Бывший штрафник, что называется: "искупивший кровью", никогда не унывал. Всерьез расстроить его могло разве что прямое попадание танкового снаряда.

– Ага... Заодно и помоемся. Мне это очень пригодится, когда командир полка мне клизму будет ставить.

– Тоже верно. Отличную вы мысль подали, тащ капитан! И правда ведь, можно бочку располовинить, снега побольше натопить и водные процедуры устроить.

– Делай. Чем бы дитя не тешилось...

Из подвала вылез пожилой солдат в каске, валенках и надетой поверх ватника шинели. Близоруко прищурился, пока глаза привыкали к солнечному свету. Наконец спросил:

– Вы командир батареи будете?

– Я, – кивнул капитан.

– За вами ротный послал. С батальоном связь наладили, говорят. И это... Тут для вас крупы немного из неприкосновенного запаса достали. Сварите себе. Котелки есть?

– Да, есть. Это хорошо, отдай ее сержанту. Ну, пойдем...

Он поднялся и следом за солдатом спустился в подвал, откуда к ротному НП был прокопан ход сообщения.

* * *

Когда капитан вернулся, в комнате уже приятно пахло кашей. Ему сунули котелок и ложку. Он зачерпнул дымящееся жидкое варево и отправил его в рот.

– Ну как? – спросил сержант.

– Нормально.

– Я не о том. Из полка что сказали? Не разжаловали?

– Решили пока не расстреливать и велели войну выиграть. Тут видишь какое дело, Саня... Выяснилось, что мы здесь вовремя оказались.

– Как так?

– А вот так. Все равно бы сюда ехать пришлось. Полку поставлена задача взять ту высотку, на которой немцы сидят. Полк для этой цели пришлет сюда ночью еще одну роту и всю нашу батарею. Завтра – день на подготовку, послезавтра... Ну ты понял.

– Ага. Хреново.

– Не то слово. Их старлей ходит весь черный. Фрицы закрепились намертво. Народу положат немеряно, а нам стрелять придется снизу вверх. Лошадей напоили?

– Да. Нашли чистую бочку, в нее снега набросали, разогрели и им поставили. Васька для них корм нашел.

– Да ты что? Где?

– Тут у немцев госпиталь был. Они когда драпали, бросили матрасы. А в них – солома. Лошадки довольны.

Капитан закончил с кашей и протянул пустой котелок заряжающему. Затянувшись протянутой ему сигаретой, он о чем то задумался. Потом встал, подошел к окну, смотрящему на север и осторожно выглянул одним глазом. Долго смотрел и наконец отошел, покачав головой.

– Восемьсот метров примерно... Для нас это прямой выстрел, но снизу вверх стрелять прямой наводкой, да под огнем. Проще самим повеситься, хлопот меньше. Я там как раз и балку подходящую видел, из стены торчит. Даже с тросом.

Он вдруг осекся, поднял глаза вверх, потом посмотрел в сторону лестницы.

– Что там, тащ капитан? – заинтересовался сержант.

– Госпиталь был, говоришь?

– Ага.

– Пойдем-ка, наверх сходим...

От крыши над четвертым этажом остались жалкие ошметки. Чердак был деревянным, пехота разбирала его на дрова, а немцы добавили беспорядка, положив сюда несколько мин. Он подошел к проему в стене, посмотрел вниз, потрогал блок, висевший на торчащей из стены балке и сказал:

– Ну да, точно! Госпиталь, раненые, а вот на этом блоке они сюда мешки с бельем поднимали. Им по лестнице ходить лень было. Как думаешь, Саня, выдержит такой трос нашу пушку?

Он кивнул на ручную лебедку, намертво вделанную в стену. Сержант потрогал трос.

– Вроде бы должен. Она ведь легкая, полтонны всего. Хотите ее сюда? Так ведь засекут нас после первого же выстрела.

– Значит надо сделать так, чтобы не засекли. Смотри, какая позиция! Мы с фланга и все их окопы – как на ладони. Пойдем вниз. Ты говорил, бочки пустые есть?

– Есть парочка.

В подвале капитан осмотрел немецкую металлическую бочку объемом полсотни литров и кивнул головой.

– Потянет. Возьми карабин, пойдем наружу.

Выйдя за ворота, он положил бочку на землю, вставил ствол карабина в горловину и нажал на спуск. Пуля продырявило дно, бочка отлетела. Выстрел гулким эхом прокатился по улице поселка.

– Ну как?

– По звуку на полковушку похоже, или на гаубицу издали.

– Вот именно! А полковая пушка, что характерно, может и с закрытых позиций бить. Немцы на это и подумают, нам только надо будет в такт попадать. Пошлем в поселок бойца, он даст пять таких "выстрелов" с интервалом в минуту. До кучи костерок разведем за домами и еще какую-нибудь активность изобразим, чтобы они не сомневались, что мы сюда батарею "бобиков" приволокли. Да вот хотя бы ящик из под снарядов на виду бросим. Пусть бьют по поселку. Я тем временем посмотрю, где у них что установлено. Сейчас пойду к пехоте, попрошу нам в помощь выделить десяток бойцов, а ты пока тросом пушку подцепи и лебедку проверь. Снаряды есть, прямо сейчас немцев пощупаем, пока солнце их подсвечивает. Посмотрим, где у них что стоит, ночью всю батарею сюда затащим, а утром начнем, с божьей помощью.

– Зачем откладывать хорошее дело!?

– Верно. Давай, Саня, работаем.

* * *

К полудню следующего дня поставленная задача была выполнена. Поднятые ночью наверх четыре "сорокапятки" буквально смели немецкую минометную батарею, а затем перенесли огонь на окопы, уничтожая пулеметные гнезда. Подошедшая ночью рота автоматчиков под прикрытием их огня по сигналу ракеты без потерь миновала нейтралку и завязала рукопашный бой в траншеях. Вскоре обратно повели пленных. К тому времени пушки уже опускали вниз и одну за другой отправляли на захваченную высоту, на новые огневые позиции.

Крещение огнем

– А ты кем до войны был, Андреич? – спросил молодой солдат по прозвищу Киря, без нужды протиравший тряпкой пулеметный диск.

– Священником.

– Попом что-ли!?

– Да.

– А здесь как? Ваших ведь не берут, вроде.

– Берут. Но я добровольцем пошел.

Пожилой старшина затянулся в очередной раз самокруткой и передал ее по кругу. Самокрутка была толстой, махорки на нее не пожалели. Чего экономить? После боя покурить может уже и не придется, а бой предстоял страшный – это все понимали. Вчера немцы весь день грызли оборону перед ними, сегодня возьмутся за них. Немец – он такой! Его хлебом не корми, а дай чего-нибудь погрызть. Хуже было другое: с юга "солдатское радио" принесло весть, что и там немцы начали наступление. В окопе не мальчишки сидели, вернее: не только мальчишки. Понятно было, что если немцы давят с двух сторон, то значит пытаются в окружение взять. Как под Харьковом, в прошлом году. Оттуда мало кто выбрался.

– Первый раз вижу попа-добровольца.

– Так ты и воюешь-то еще первый месяц, салага!

Это сказал ефрейтор, пять минут назад подошедший на запах дыма. С ним поделились, конечно. Дело житейское. Сегодня ты нам на хвост сел, а завтра мы тебе. А может быть, и не будет никакого завтра... Но с другой стороны: может быть, и у кого-то из немцев этого самого "завтра" не будет? Не сорок первый год на дворе, когда он по свистку воевал. Буквально ведь, по свистку. У фельдфебеля стреляная гильза, он в нее дует, свистит и отделение делает перебежку. Снова свист – второе перебегает. Сзади, из-за цепи, лупит десяток пулеметов, да еще миномет накидывает. А у тебя – "трехлинеечка" и три обоймы. Сейчас же они запасли и бутылок с бензином, и гранат, и даже пару противотанковых мин саперы оставили. Патронов – вообще валом. Пушки левее в землю зарылись, минометы есть... Было, короче, чем встретить дорогих гостей.

– Сейчас, после Сталинграда, полегче стало. Фриц уже пуганый. Зимой-то им хорошо врезали, так что тебе, считай, повезло, что только нынче призвали.

– Да я ничего... Просто удивительно как-то.

– Чего же тут удивительного? – спросил старшина. – Место священника где? Там, где его паства. А паства на фронте, в приходе одни бабы остались. Таких, как я, не один и не два, только не звонят о себе, почем зря. Замполит не одобрит.

– Он про тебя знает?

– Конечно. Зачем мне скрывать?

– Расстрига, значит?

– Дура! – ефрейтор приподнялся, выглянул из окопа и снова сел на место. – Расстрига – это когда выгнали. Вот Гришка Отрепьев, к примеру, расстригой был. А он сам ушел.

– Ты бы, Петро, не высывался так, – сказал старшина. – Мало ли, снайпер... Вообще-то я сан не складывал, но согласно Уставу духовному, имел право просить об этом. Греха в том нет. Осуждается, когда священник о сложении сана просит из страха, или по нужде, но если кто из епископов считает, что я из страха в военкомат пришел, то пусть сюда в траншею придет и о том мне скажет. С охотой приму епитимью, но пока я что-то никого из них здесь не видел.

Остальные рассмеялись. Им епископы на фронте тоже пока не попадались. Молодой сказал:

– А я вот в церковь не ходил. Вернее был там, только давно очень. Бабка носила, крестить. С тех пор ни разу.

Старшина махнул рукой.

– Это ничего... Даже если бы и не крещен – что с того? Про крещение огнем не зря сказано. Ведь что это такое? Это обряд, во время которого человек меняется, утверждаясь в вере своей. Вера важнее всего. Верь, что победишь. Большого, я думаю, никто не потребует от тебя.

За перелеском на востоке шла вялая перестрелка, иногда начинал молотить короткими очередями немецкий пулемет, а у них пока было тихо. Потом за речкой раздался громкий, но довольно быстро стихший вой. Киря аж подскочил.

– Что это!?

– Сиди ты спокойно. Чего испугался? – Петр придавил его за плечо к земле. – "Скрипуха" это. Миномет ихний реактивный. Не слышал что-ли ни разу?

– Не-а!

– Ну вот теперь знаешь, как он бьет. Осколков после него – не собрать, так что не высо...

Слитно, один за другим, на противоположном от них скате высоты ударили разрывы. Старшина посмотрел на взлетевшие в небо бревна, вздохнул и сказал:

– Похоже, прямо в блиндаж положил. Опять мне взводом командовать.

– Думаешь, хана взводному?

– Да кабы не ротой... Ротный-то там же мог сидеть. Петро, давай за пулемет, первым номером. Схожу, проверю. Если не вернусь, значит за командира пришлось побыть. Вот же падла! Этот шестиствольник теперь задаст нам по самое не хочу. Там овраг и видимо фрицы ночью его туда закатали, а мы это дело прощелкали. Теперь его не выковырять.

Он поднялся, поправил ремешок каски и пригнувшись побежал по ходу сообщения.

* * *

От блиндажа осталась глубокая яма, заваленная бревнами и землей. Двое знакомых солдат из первого взвода тупо смотрели в нее, не зная, что делать.

– Ротный где? – спросил он.

Один из солдат молча показал на курящийся над бревнами дымок. Реактивная мина легла не прямо в накат, иначе бы тут ничего не осталось, а рядом, но этого как раз хватило, чтобы подбросить бревна, а потом обрушить их вниз.

– А Васильев?

– Там же. Бухали они ночью. И с первого взвода лейтенант там же был. Старшина им спирта притащил, вот и...

Все было понятно. Не вдвоем же с командиром второго взвода ротный день рождения праздновал? Наверняка всех позвал. Замполита подранило еще позавчера, так что рота осталась без офицеров. Андреич поднял руку, чтобы почесать затылок, но рука наткнулась на каску.

– Так... Ты – он ткнул пальцем в одного из солдат. – Где штаб полка знаешь?

– Ага...

– Чеши туда. Скажи, что вторая рота осталась без офицеров и что командование принял старшина Козлов. А ты, – он показал на второго – давай, возвращаясь в свой взвод, скажи там то же самое. Яковлев у вас замок, пусть командует, ему не впервой. Передай приказ: "Приготовиться к отражению атаки противника". Понял?

Тот часто закивал головой.

– Во втором взводе так и так я старший. В третий сейчас сам схожу. Все. Быстро!

Вокруг понемногу собирались солдаты, выбравшиеся из щелей и землянок. Андреич только сейчас понял, что ему с самого начала показалось странным. Пахло одеколоном. Ротный всегда после бритья смачивал им щеки. Совершенно фантастический запах мирной жизни.

Снова заревела "Скрипуха". Мины легли западнее, подняв огромное облако пыли в расположении первой роты. С нашей стороны ответили 82-миллиметровые минометы. Солдаты, не дожидаясь команды, снова разбежались по укрытиям. Концерт начался.

Андреич сплюнул и двинул в третий взвод.

* * *

С одной стороны: это было хорошо, что лейтенант, которого назначили три дня назад, все-таки уцелел. Значит офицер в роте все-таки есть и одному отдуваться не придется. С другой: лейтенант был самым настоящим мальчишкой. Прислали его вместе с тем же пополнением из маршевой роты, что и Кирию, три дня назад. Девятнадцать лет, ускоренный выпуск.

То, что ротный убит, он вообще не знал. Не сказал никто, а самому сбегать – не судьба. Когда Андреич просветил его на этот счет, лейтеха даже не сразу понял, что из этого следует. Командовать ротой? К такому его жизнь не готовила! Он и взвод-то получил совсем недавно. Понаберут молодых в училища со школы...

Немцы к тому времени разошлись повсю. Молотили по деревне в тылу и по обращенному к ним скату высотки. Залетало и сюда, на обратный. На головы то и дело сыпалась земля, но больше почему-то доставалось третьей роте. Может быть, они считали, что основной узел обороны именно там? А вообще-то артподготовка была довольно бессистемной. Лупили по площадям. Куда прилетит – туда и ладно.

– Ладно, лейтенант, не перди паром! – старшина хлопнул офицера по плечу и улыбнулся. – В полк я уже послал человека. Если добежит, то пришлют кого-нибудь. Если нет, то связи все равно нету и никто тебя ругать не станет.

– Комбат...

Старшина усмехнулся.

– Ты нашего комбата не знаешь! Его срандель танком с места не стронуть. Будет на НП сидеть и материться. Ты просто по сторонам внимательно смотри, командуй своими людьми и если из полка, или из батальона приползет кто – возьми его на себя и доложи обстановку. В первом и втором взводе мы с Яковлевым справимся. Главное сейчас – связь с полком, с минометами и с пушкарями, вот и займись ею, как старший командир. Минометчикам без корректировки огня работать никак нельзя.

– Так ведь и телефонов нету ни одного. Ладно, придумаем что-нибудь. Все равно из полка должны связистов пригнать.

– Давай. Я в первый взвод схожу, передам, что ты цел. Заодно своих по местам разгоню. Артобстрел прекратился как раз когда старшина добрался до окопов первого взвода.

С Ванькой Яковлевым Андреич знаком был не слишком хорошо. На самом деле звать Ванькой человека, воюющего почти год, вроде как и неловко, но больно уж у старшего сержанта вид был неказистый. Был он маленького роста, курносый, рыжий и казался моложе даже своих двадцати лет. С торчащими в разные стороны ушами тоже ничего сделать было нельзя.

Однако он был далеко не прост. Два ранения, служба в разведроте, из которой его по каким-то причинам выперли и недавно нашедшая его после госпиталя медаль "За отвагу" – все это говорило само за себя. Замкомвзвода из бывшего разведчика получился отличный. Он и на "Ваньку" не обижался, зато солдаты его слушались с полуслова. Умел "замок" с людьми разговаривать и если бы на то была воля бывшего священника, то он бы именно Ваньке отдал командование ротой. Но нельзя. Тот не согласится, да и как ни крути, а старшина сержанта старше.

Яковлев уже был в курсе случившегося и деятельно распоряжался во взводе. Его солдаты разбежались по местам, подгоняемые матерными напутствиями. Услышав о том, что в третьем взводе уцелел офицер, он довольно кивнул. Все-таки лишняя прокладка образовалась между ним и штабом. Он только и спросил у Андреича:

– Думаешь, на нас попрут?

– Не, на нас – вряд-ли. Вначале третью роту попробуют раздавить, там танкам пройти легче, потому и долбят сейчас по ним. Но нам от этого пожалуй что даже тяжелее, потому что нами потом займутся, а танки еще добавят.

– Согласен. Ударят в стык, выйдут к нам в тыл. Дальше – дело техники. Я уже послал одного из своих на батарею, предупредить. Им, правда, далековато, но... Ага, началось! Вон они.

За ручьем перебежали немецкие пехотинцы, выходя на рубеж атаки. Кто-то выстрелил по ним, хотя расстояние было не меньше километра и попасть можно было разве что случайно. Яковлев заорал в ту сторону, причем приличными словами в фразе были только предлоги и местоимения.

Андреич мысленно перекрестился и побежал по траншее в свой взвод, ставить оборону.

* * *

Час спустя исход боя еще не определился. На поле дымились шесть немецких танков. Немцы в ответ разнесли полковые батареи 76-миллиметровых пушек но снова лезть вперед пока опасались. Зато их пулеметы старались изо всех сил, а стоявшие вдалеке танки били из пушек по позициям, методично нащупывая пулеметные точки и бронебойщиков. Немецкая артиллерия перенесла огонь в глубину. Понимая, что сейчас произойдет, старшина отправил два из трех имевшихся во взводе ручных пулеметов на запасную позицию, с приказом отсечь немецкую пехоту от танков, но не открывать огонь до самого последнего момента. Тут-то его и нашел лейтенант, командовавший третьим взводом.

– Связисты приползли, – проорал он, перекрикивая грохот боя. – Приказано держаться. У немцев резервов нет.

Старшина поморщился. Все-таки неприятно, когда тебя за идиота держат. Ну откуда в полку знать, есть ли у фрица, чем развить успех? Если бы к ним туда разведка ползала, то в ротах бы людей предупредили об этом. Дух повышают, не иначе! Вслух он сказал:

– А мы тут что делаем? Половины взвода уже нет и сейчас они полезут всерьез. У тебя как, пулеметов много?

– Два пока стреляют.

– Пусть приготовятся. Бронебойщикам тоже команду дай. Нужно будет поддержать третью роту. Атакуют обязательно ее, потому что позиции первой прикрыты оврагом, а на нас им нужно идти вверх по склону. Если они прорвутся, то обойдут и нас, и первый батальон. Но если мы у них танки выьем, то считай, что продержались. Сегодня – продержались, ну а завтра – как Бог даст. С минометчиками связь есть?

– Была. Корректировщик у меня во взводе сидит. Я приказал пока огня не открывать.

– Правильно сделал. Самое важное для нас пехоту остановить. Без нее мы с танками справимся.

Лейтенант, пригибаясь, убежал по траншее, а немецкие танки наконец сдвинулись с места и медленно пошли вперед, перестраиваясь в "шахматный" порядок. Старшина машинально пересчитал их. Двадцать один. Очко.

* * *

– Откуда их столько повылазило!?

– Там же наши траншеи были. Они в них и сидели. Ну что, Киря? Готов?

– К чему?

– К тому... По крайней мере одну коробочку мы у них уделаем, если что.

Киря покосился на вещмешок с лежащей в нем противотанковой миной и парой гранат.

- Если они нам разрешат.
- Да куда они денутся? Но похоже, что Андреич прав был. На третью катят. Значит будем делать, что он сказал.
- Ага... Петь, а ты че спокойный такой?
- Ефрейтор удивленно посмотрел на него.
- Чего мне волноваться? Карты сдали, пересдавать поздно, теперь только сыграть осталось. Трясет тебя, да?
- Есть немного.
- Меня в первом бою тоже трясло. Ничего... Два раза не убьют, как один умный человек сказал.

Он выглянул из окопа, оценил расстояние до немецкой цепи и вытащил из кармана портсигар. Еще оставалось время покурить, а заодно и порисоваться перед мальчишкой, доставшимся в напарники. Ну и не показывать виду, что его тоже трясло – это тоже. Два раза не убьют, но и одного тоже никому не хочется.

* * *

В спину что-то давило и было темно. Вечер, что-ли? А почему стреляют до сих пор? Старшина окончательно пришел в себя и кое-как проморгался от попавшего в глаза песка. Танки были совсем близко, метрах в ста. Под гусеницей одного из них взлетела фонтаном земля и машина закрутилась на месте. Мина... Остальные продолжали надвигаться на окопы.

Лейтёха из третьего взвода не подвел. Батарея ротных минометов открыла огонь как раз вовремя. Хлопки выстрелов не были различимы в грохоте боя, но разрывы 50-миллиметровых мин ни с чем не спутаешь. Немецкие пехотинцы залегли, а шесть танков отделились от строя и повернули на высоту. Старшина успел крикнуть, чтобы готовили бутылки с бензином, в этот момент рядом грохнул взрыв и его впечатало в стену траншеи. Хорошо, хоть в себя пришел быстро, но взвод успел окончательно потерять управление, а танки подошли к окопам вплотную.

По лобовой броне идущего первым танка растеклось пламя. Кто-то поспешил с броском. Немец, не обратив на огонь внимания, наехал на окоп, крутнулся на нем, а потом пошел дальше. Не замечая, что из ушей течет кровь, Андреич нащупал в нише полузасыпанные набросанной взрывами землей бутылки с бензином. КС, самовоспламеняющиеся. "Пропустить над собой и поджечь" – легко сказать... Больше всего на свете ему сейчас хотелось забиться в щель и превратиться в таракана. Если сейчас немцы поднимутся...

Не поднялись! Заработал один из ручных пулеметов, которые он до того послал на фланги. Пользуясь моментом, старшина перебежал, приподнялся и одну за другой швырнул обе бутылки в проходившую мимо машину. Вторая угодила как раз туда, куда нужно – сзади, за башню. Несколько пуль выбили из брестера фонтанчики песка совсем рядом и он залег, пытаясь сообразить, где можно раздобыть гранаты. Ведь готовили же связки, заранее готовили! Куда все растащили? Наверняка все осталось в ближних к немцам окопах. Подожженный им танк остановился. Откинулся люк, оттуда высунулся танкист в черной форме, сразу запрокинулся, получив чью-то автоматную очередь, повис на башне, свесив руки. Остальные машины продолжали утюжить траншеи на гребне высоты, поливая все вокруг из пулеметов.

И тут старшина не поверил своим глазам. От башни одного из немцев веером взлетели ослепительные искры. Он зажмурился, потом посмотрел снова. Танк стоял. Через несколько секунд то же самое повторилось еще с одним танком. Он подумал, что снаряды прилетели откуда-то из третьего батальона, но потом заметил движение в разрушенной деревне в тылу. Там, почти неразличимые среди обгоревших стен, стояли две самоходки, "коломбины", многократно проклятые экипажами за бензиновые движки, слабую броню и открытые башни и столь же многократно благословленные пехотой за мощные 76-миллиметровые пушки и отличную проходимость. Сюрприз! Приятный для его взвода и очень неприятный для фрицев.

Еще один немец получил сразу два снаряда в борт. Из всех его люков и щелей рванулось пламя, башня подлетела вверх и упала обратно на погон. Взорвался боезапас. Последний танк, заметивший наконец опасность, быстро ушел за подбитый, развернул башню в сторону самоходок и начал ворочать пушкой. За ним мелькнула чья-то маленькая фигурка, под корму полетел зеленый сверток. Ударил взрыв. Танк осел задом в траншею и загорелся.

Только сейчас старшина понял, что не слышит ни звука.

* * *

Вечером, когда пять последних уцелевших немецких танков задним ходом убрались восвояси, они втроем собрались в том же самом окопе, в котором сидели утром. Ефрейтор притащил три фляги со шнапсом, снятым с мертвых немцев. На боку у него болтался трофейный "шмайсер". Киря взахлеб что-то рассказывал, но старшина конечно же не понимал, что. Наконец он сказал:

– Ты меня слышишь?

Тот закивал головой.

– Возьми две фляги, сбегай молодыми ногами в деревню к танкистам, отнеси им. Если бы не они...

Тот снова кивнул и убежал. Петр достал из кармана конверт и написал на нем: "Он танк подбил".

– Скажи лейтёхе: пусть наградной напишет.

"У тебя кровь из ушей течет".

– Пофиг, уже не болит. Сейчас третий батальон подтянется – тогда и в санбат пойду.

Старшина откинулся на стенку окопа и закрыл глаза. Водка приятно грела пустой желудок и ему чудилась вечерня в церкви, где он читал ектению, как это и положено, когда служишь без дьякона.

Танкист-подводник

Воентехник спрыгнул с остановившейся на дороге "полуторки" и махнул водителю тягача рукой в сторону маленькой группы людей, стоявших на берегу реки. Тот кивнул из своего люка, лихо развернул свою машину, которая была обычным Т-34, пока с нее не сняли башню и погнал ее в указанном направлении.

– Отъедь вон туда, под деревья и замаскируйся, – сказал воентехник водителю грузовика и не особенно торопясь пошел за тягачом, по примятой гусеницами траве.

Речушка была, что называется: переплунуть можно. До другого берега всего метров двадцать. Берега – песок и довольно плотный суглинок (он уже привычно прикидывал, справится ли тягач с работой).

Подойдя, он пожал руки своему ремонтнику, покосился на стоящего рядом лейтенанта в черном комбинезоне, спросил у сержанта:

– Где он, Саня? Хотя и так ясно. Вон же следы!

Где танк уехал под воду, действительно было отлично видно и по следу гусениц, и по расплывающемуся на поверхности радужному масляному пятну, которое постепенно сносило вниз по течению. Вероятно, единственный омут на всю речушку и в длину всего-то шагов десять, но утопить "тридцатьчетверку" доблестному защитнику Родины места хватило.

– Ну что, – воентехник посмотрел на танкиста. – Как же ты докатился до жизни такой?

Тот хмуро ответил:

– Как-как?.. Простым каком! Гнал машину в полк со станции, остановился воды набрать. Тут "мессеры"! Я – внутрь, завелся, по мне сверху из пушек... Ну и дернул с места на третьей.

– ... и стал подводником!

– Пока задним ходом пытался вытянуть, сполз еще глубже. Пришлось выбираться. По дороге самоходы наши проходили – связался с полком по рации, вызвал помощь.

– А экипаж где?

– Экипаж пока я один. Приеду в полк – наберу "безлошадных".

– Ясно... Саня! Все, что нужно в машине. Тросы, шланг... Вытаскивайте с Колькой, – он показал на тягач. – А мы с танкистом пойдем в лес.

– Зачем? – удивленно спросил лейтенант.

– За дровами, родное сердце, за дровами. Надеюсь, тебе не надо объяснять, зачем дрова нужны?

Когда они вернулись с охапками валежника, два сержанта-техника уже раскладывали на берегу тросы и длинный резиновый шланг. На дрова плеснули немного солянки, костер загорелся коптящим пламенем и воентехник наконец соизволил пояснить танкисту:

– В воду лезть придется, а она холодная. Если не будет, где погреться, то люди простынут. Могут и воспаление легких схватить.

– А-а-а! Понятно.

– Сейчас еще ладно, август месяц на улице, а было дело: мы в январе вот так же в воду лазили и утонувший "КВ" выдергивали двумя танками.

Он закурил, глядя, как Саня крепит хомутами на переходнике резиновый рукав с одной стороны и противопожарный шланг с другой.

– Зачем? – спросил танкист.

– Затем. Ты ведь передачу не выключил? Наверняка нет... Вытаскивать будем – гусеницы раскрутят дизель, он наберет воды. Тогда хрен мы его заведем сразу, придется разбирать, да и не факт, что вообще на передаче сумеем выволочь. Грунт слабый. Значит что, нужно забраться внутрь, снять рычаг кулисы с передачи. Это на ощупь сделать сложно, а противопожарный надел,

дышишь через шланг – и ныряй, сколько хочешь... Пошли-ка, еще разок до леса ходим. Эй, Саня!

– Аюшки?

– Быстрее давай! Солнце скоро зайдет, а нам еще заправлять его и масло менять.

– Петрович, ты-ж меня знаешь!

– И шланг проверь как следует, прежде чем в воду лезть. Пойдем, танкист.

Вернувшись из леса во второй раз, офицеры обнаружили "тридцатьчетверку" вытащенной на берег а водителя – копошащимся в моторе. Второй техник грелся у костра, сидя на корточках, накрывшись брезентом и не озадачивая себя одеванием.

– Тащь воентехник второго ранга, долаживаю! – сказал он, шутливо приложив руку к "пустой" голове. – Машину вытащили, но не знаю, ту ли, что надо.

– Их там что, не одна, – удивился танкист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.